

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Кафедра Еврейской культуры

Зав. кафедрой Еврейской культуры,

Председатель ГЭК

д.ф.н., проф. Тантлевский И.Р.

Выпускная квалификационная работа на тему:

МОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕЙБА НАЙДУСА

По направлению – 03300 «Культурология»

Профиль – Еврейская культура

Выполнил: студент

Тушина Ирина

Валерьевна

Научный руководитель:

к.филол.н., доц. **Федченко**

Валентина Владимировна

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. НОВАЯ ПОЭЗИЯ НА ИДИШЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ НА ИДИШЕ	6
Глава 2. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ЛЕЙБА НАЙДУСА	17
2.1 Жизненный путь Лейба Найдуса.....	17
2.2 Критическая оценка творчества Л. Найдса	24
Глава 3. АНАЛИЗ ПОЭЗИИ ЛЕЙБА НАЙДУСА	32
3.1 Эксперименты с сюжетом, новые темы и образы	32
3.2 Эксперименты с формой – рифма, размер, ритм	44
3.3 Переводы русской поэзии на идиш	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	59

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XIX-XX веков является переломным периодом в истории еврейской литературы на идише. Именно в это время в творчестве писателей и поэтов появляются тенденции к модернизации литературы на идише. Основная идея модернизма в литературе – это отход от традиции и выстраивание нового литературного языка. Модернисты стремились отделить себя от предыдущей литературной традиции и создать, утвердить новые начала в сфере языка и литературы. В движении обновления еврейской поэзии на идише Лейб Найдус стал одним из первых, своего рода первопроходцем, в чьем творчестве прослеживаются тенденции к модернизации еврейской поэзии.

Объектом данного исследования является творческое наследие Лейба Найдуса. Предметом исследования следует считать особенности формирования, развития и проявления модернистских тенденций в произведениях Л. Найдуса. Данная тематика представляет собой ценность как для изучения истории еврейской культуры в целом, так и для исследований еврейской литературы на идише и еврейского модернизма.

Актуальность изучения модернистских тенденций в творчестве Лейба Найдуса определяется значением модернизации еврейской поэзии на идише, которая позволила кардинально изменить ситуацию в ходе истории литературы на идише не только в период начала XX века, но и в последующие периоды. В свою очередь, значение модернизма в литературе на идише выходит далеко за пределы собственно литературного процесса. Он оказал значительное влияние на понимание еврейской культуры, на становление новой еврейской ментальности, на формирование новой личности и должен, следовательно, восприниматься как явление не только литературное, но и культурно-историческое.

Творческое наследие Лейба Найдуса на сегодняшний день мало изучено как отечественными исследователями, так и зарубежными.

Рассмотрением и анализом творчества Л. Найдуса занимались такие литературоведы, критики и писатели, как Авром Зак, Залман Рейзен, Аарон Джоэл Закуски, Яков Глатштейн, писавшие и опубликовавшие свои исследования на идише. Однако современных научных исследовательских работ на данную тему, как на русском, так и на английском языке в ходе написания данной работы найдено не было, что обуславливает новизну исследования.

Говоря об источниках, использованных в ходе исследования, стоит отметить, что при написании первой главы, содержащей в себе основные аспекты явления модернизма в истории литературы на идише, и, в частности, модернистской поэзии на идише, изучались книги на английском языке ведущих литературоведов и исследователей еврейской культуры. Так, например, были использованы следующие работы: М. Krutikov «Yiddish Fiction and the Crisis of Modernity, 1905–1914», В. D. Walfish «Yiddish Panorama: A Thousand Years of Yiddish Language, Literature and Culture», Ch.Kronfeld «On the Margins of Modernism: Decentering Literary Dynamics» и другие произведения. Помимо этого, в данной главе активно использовались статьи на английском языке с сайта YIVO¹ таких авторов, как М. Krutikov, А. Green, D. Miron, С. Turniansky, содержащие информацию о тех или иных периодах в истории литературы на идише, а также о некоторых еврейских писателях и поэтах. Также в основу данной главы легли русскоязычные работы по теории литературы, эстетике и теории модернизма, такие как книга В.И. Тюпа «Художественный дискурс», работа Н.Д. Тamarченко «Теория литературы», книга П.С. Гуревича «Эстетика» и другие.

При написании второй главы, раскрывающей историю жизни и оценку творчества Лейба Найдуса, в качестве источников использовались преимущественно статьи и книги на идише. Так, например, статья Рейзена Залмана из «Leksikon fun der yidisher literatur, prese un filologye» («Лексикон

¹ YIVO - международная еврейская организация, осуществляющая исследования языка идиш, литературы и фольклора на идиш

литературы, прессы и филологии на идише»), статья Аврома Зака «Leyb Naydus: Biografishe notitsn», являющаяся вступлением к сборнику стихов Л. Найдуса «Litvishe arabeskn», статья Глатштейна о Л. Найдусе из сборника «Intokh genumen: Eseyen 1949–1959», работа Аарона Закусского «Leyb Naydus» и статья С. Нигера в его книге «Lirishe siluetn». Также в данной части работы использовались статьи на английском языке – Новерштерна с сайта YIVO, а также Вайтмана из книги «An Anthology of Modern Yiddish Poetry».

В третьей главе, в которой производится непосредственно анализ творчества Л. Найдуса, а также его переводов русской поэзии, в качестве источников были взяты его сборники «Litvishe arabeskn», «Lirik» и «Rusishe dikhtung».

Целью данной выпускной квалификационной работы является выявление и исследование модернистских тенденций в произведениях Лейба Найдуса.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- Выявление особенностей модернистской поэзии на идише в контексте развития истории еврейской литературы на идише,
- изучение биографии Лейба Найдуса, изложение истории жизненного пути поэта,
- рассмотрение критической оценки творчества поэта в различных источниках на идише,
- выявление и анализ наиболее репрезентативных произведений с точки зрения представленных в них и присущих им модернистских форм и приемов,
- рассмотрение аспектов влияния поэтов-модернистов мировой литературы на творчество Лейба Найдуса, а также проблемы формирования поэзии в мультикультурном контексте; анализ его переводов русской поэзии на идиш.

Глава 1. НОВАЯ ПОЭЗИЯ НА ИДИШЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ НА ИДИШЕ

Прежде чем говорить о модернистской поэзии на идише, необходимо рассмотреть историю возникновения и развития литературы на идише в целом, таким образом выявить и определить контекст, в котором зародилась модернистская поэзия на идише. Первые упоминания об использовании идиша в письменных источниках датируются серединой XIII века.² Важно отметить, что изначально литература на алт-идише (раннем идише) предназначалась, в первую очередь, для женщин, детей и малообразованных людей [Schachter 2011:8]. К ней можно отнести, прежде всего, переложения книг Танаха и Мидрашей, а также молитвенные сборники для тех, кто не знал древнееврейский язык [Zinberg 1975:22].

Наиболее значимые для филологов и литературоведов произведения литературы на идише известны с XIV века. Так, в период расцвета Ренессанса, создаются эпические поэтические тексты на идише, рыцарские романы, которые являются своего рода переложением и адаптацией историй из Танаха на европейский лад, что уже тогда являет собой результат взаимодействия, некий симбиоз европейской и еврейской традиций. Говоря о форме, следует отметить, что практически все поэтические тексты того периода имеют метрическую структуру, которая была характерна для немецкой эпической народной поэзии. [Краткая еврейская энциклопедия 2005: кол. 644].

Начиная с XV- XVI вв. появляются наиболее интересные для анализа тексты, поскольку они уже содержат в себе компоненты древнееврейского языка - гебраизмы, они менее консервативны по содержанию, в отличие от более ранних текстов, которые расценивались как написанные на немецком

² Первым письменным источником, содержащим фразу на идише является Вормский Махзор, датируемый 1272 годом. В нем было найдено первое известное на сегодняшний день письменное свидетельство на идише, содержащее следующий текст: «Доброго дня тому, кто отнесет этот Махзер в синагогу». Оно несло как поэтическую, так и коммуникативную функцию, отделяло профанное от сакрального, которое, в свою очередь, выражалось на иврите [Walfish 1995:3].

диалекте евреев, не содержащем еще древнееврейского компонента, как и сам язык идиш на тот момент считался лишь одним из немецких диалектов [Weinreich 1980: 350]. Одним из наиболее известных авторов этого периода является Элияху Бахур Левита (1469-1549). Он перекладывал рыцарские романы с итальянского языка на идиш, адаптируя и европеизируя различные еврейские сюжеты. Левита был одним из первых, кто отметил значимость романского компонента для изучения истории идиша [Zinberg 1975: 69].

Также в то время помимо досуговой, развивается нравоучительная литература. Так, например, одним из наиболее значимых произведений является «Цеена у-реена» (конец XVI-начало XVII вв.) - переложение еврейской Библии для женщин на идише [Bridger 1976: 489]. Другой значимый для литературы на идише нравоучительный текст дошел до нас в Кембриджской рукописи 1382 года, которую относят к одному из самых ранних примеров басни на идише [Краткая еврейская энциклопедия 2005: кол. 649]. В XVII веке в литературе на идише также появляется жанр исторической песни. Сюжеты произведений этого жанра отражали как личные переживания и чувства героев, так и общественно значимые для всего еврейского народа события, такие как изгнание, наветы, массовые гонения. Все эти события отражались, как правило, с точки зрения моральных норм, которые излагались в текстах популярной в то время нравоучительной литературы [Turniansky 2016]. Стоит отметить, что жанр исторической песни в измененной форме продолжал существовать в Восточной Европе вплоть до Второй мировой войны.

В XVIII веке, в период расцвета хасидизма³, литература на идише получила новый виток развития. Здесь важным моментом является ориентация на устное слово, мессианские и эсхатологические мотивы. Идиш становится сакральным языком для хасидов, в то время как иврит отходит на

³ Хасидизм – религиозно-мистическое движение в иудаизме, зародившееся в первой половине XVIII века, в основе которого лежало эмоциональное постижение воли Всевышнего

второй план. К данному периоду относится творчество одного из первых новаторов литературы на идише - рабби Нахмана из Брацлава (1772– 1811). Он создал собственный жанр письменной сказки на идише, тогда как до него сказки существовали лишь в устном народном творчестве. Ему принадлежат мистические рассказы и сказки на различные каббалистические⁴, мифологические, библейские сюжеты, его произведения аллегоричны и в большинстве своем основаны на фольклорной традиции [Green 2016]. Одной из наиболее известных его работ является хасидская сказка «Семь нищих».

Первая половина XIX века ознаменована появлением и расцветом просветительской литературы на идише, представленной такими писателями и поэтами, приверженцами Гаскалы⁵, как И. И. Линецкий, Ш. Этингер, И. Аксенфельд. Они популяризировали литературу на идише и считали, что литература должна существовать на доступном для всех языке [Krutikov 2016].

О зарождении классической литературы на идише можно говорить, начиная с творчества одной из наиболее значимых фигур в истории литературы на идише – Менделе Мойхер-Сфорима (1835-1917). Его заслуга состоит в том, что ему удалось заложить основу литературного языка, создать терминологию и лексику на идише, необходимую для выражения абстрактного мышления, внутренних переживания героев, тем самым ознаменовав начало нового модернизированного литературного идиша [Miron 2016].

Следующим после Менделе Мойхер-Сфорима важнейшим в истории литературы на идише классиком был Шолем-Алейхем (1859-1916), который в последствии стал всемирно известным и одним из самых популярных

⁴ Каббала – эзотерическое, мистическое религиозное течение в иудаизме, получило распространение в период, начиная с XVI века

⁵ Гаскала - еврейское просветительское движение, которое ставило своей целью распространение светских знаний среди евреев, а также выступало за интеграцию в европейское общество и распространение идей европейского Просвещения среди еврейского народа

писателей на идише [Frieden 2012:104]. Одной из его заслуг является то, что он сформулировал историю литературы на идише. Шолем-Алейхем ставил своей целью развитие литературы, создание классической традиции в ней. Среди его достижений следует особо отметить формирование отрицательного канона в тексте на идише, искусное использование идиоматических выражений, создание техники монолога, и связанное с последним развитие психологизма в тексте, что свидетельствует о стремлении писателя модернизировать литературу на идише. Тексты Шолем Алейхема создавались во многом на базе устного языка. Писатель использовал разные литературные стили в своем творчестве, что позволяет называть его «настоящим гением и виртуозом в области стилистики языка идиш» [Miron 2016]. Стоит отметить еще одну тенденцию в творчестве Шолем Алейхема, которая была новой для литературы на идише, не характерной для еврейской литературной традиции – это особый юмор и комичность героев его произведений, умение шутить и иронизировать даже в трагических ситуациях.

Третьим важнейшим классиком литературы на идише является Ицхок Лейбуш Перец (1852-1915). Несмотря на то, что творчество этого писателя еще относят к классическому периоду в истории литературы на идише, оно в большей степени, чем работы его предшественников, тяготеет к модернизму [Frieden 2012:2]. Именно поэтому его творчество принято относить к переходному этапу в литературе на идише. Рассматривая работы И. Л. Перца в контексте развития литературы на идише, важно отметить эстетическую цель творчества, ориентацию произведений не на широкие массы, а на узкий писательский круг. И.Л. Перец основывался на европейской литературной традиции и стремился к перевоплощению всего традиционного еврейского в общечеловеческое. Также он создавал идеологию идишизма, стремился к созданию новой еврейской культуры, в основании которой лежал язык идиш.

В сфере поэзии о зачатках модернизма можно судить, рассматривая творчество С. Фруга (1860- 1916). Несмотря на то, что в большей степени он писал на русском языке, ему удалось создать лирику в поэзии на идише, которая несла в себе ярко выраженный личностный характер. В его творчестве появились темы сионизма, а также зарождавшегося рабочего движения, ознаменовав начало новой социальной поэзии на идише [Турнянски 1995:159]. Относительно уровня мировой поэзии, в поэзии на идише средства художественной выразительности, символы и образы были здесь еще весьма скудны, однако социальная поэзия на идише того периода уже отличалась особой экспрессивностью и эмоциональностью, выражающей личные идеалы и стремления еврейского народа [Krutikov 2016]. Поэзия рабочего движения достигла своего пика развития в последней четверти XIX века. Наиболее яркими ее представителями являются Д. Эдельштадт, М. Розенфельд, М. Винчевский.

После смерти трех величайших классиков – Менделе Мойхер Сфорима, Шолом Алейхема и Ицхока Лейбуша Переца - наступил переломный период для всей литературы на идише. На тот момент идиш уже обрел статус языка, подходящего для выражения тонких мыслей и чувств. Именно в это время в творчестве писателей и поэтов появляются тенденции к обновлению, модернизации литературы на идише. Ключевым событием в истории самого языка идиш стала Черновицкая конференция 1908 года, которая повысила, прежде всего, самоуважение литературы на идиш и укрепила осознание ею своего значения в контексте современной мировой литературы, а также усилила соперничество между ивритом и идишем [Weinreich 1980:557].

Данный период, начало XX века, принято считать началом модернизма в истории литературы на идише. Писатели и поэты этого времени под влиянием современного им западноевропейского символизма стремились к модернизации литературы на идише [Krutikov 2001:210-211]. В их творчестве происходят следующие языковые изменения: фразы становятся длиннее,

грамматика сложнее, происходит уход от разговорного языка к высокой стилистике. Поэтов и писателей теперь в большей степени волнует эстетический аспект («искусство ради искусства»), литература сосредотачивается, в первую очередь, на авторе, а не на массовом читателе, становится элитарной. Также в данный период возникает больший интерес к поэтическому тексту, нежели к прозе.

В целом, в истории мировой литературы, а в особенности для французской и русской литератур, данный период известен как эпоха манифестов и преодоления литературных норм. Поэты и писатели сосредотачиваются на эстетических канонах, ищут новые формы, новые способы самовыражения в литературе.

Для дальнейшего рассмотрения модернистского направления в истории литературы на идише необходимо определить основные идеи и особенности модернизма в мировой литературе в целом. Прежде всего, необходимо отметить, что главная идея модернизма заключается в отходе от традиции и выстраивании нового литературного языка. Так, американский литературный критик Фредрик Джеймсон, охарактеризовал явление модернизма в литературе как «вторжение в царство языка сил разделения и обособления», подчеркивая особое стремление языка и литературы к свободе от традиции, к собственной автономии [Jameson 1991:138]. Действительно, писатели и поэты-модернисты стремились отделить себя от предстоящей литературной традиции и создать, утвердить новые начала в этой сфере. Однако стоит отметить, что, в отличие от авангарда, имеющего революционный характер, модернизм принято считать скорее компромиссом между новым и традиционным [Турчин 1993:2-3]. Для модернизма характерно как постоянное обновление художественных форм, так и возникновение новых сюжетных линий, новых тем в творчестве, а также условность, отвлеченность стиля. Большое внимание в литературе модернизма уделяется внутреннему миру героев, исканиям, философским и психологическим моментам

личности. С точки зрения эстетики в качестве главных отличительных черт модернизма выявляют «эстетическую стратегию автономии искусства, принципиальной его независимости от каких-либо внехудожественных контекстов (социального, политического, религиозного)» [Гуревич 2011: 404]. Некоторые исследователи в качестве главной особенности модернизма выделяют то, что художественное произведение принимает статус дискурса, то есть события, происходящего в процессе коммуникации автора, героя и читателя [Тюпа 2002: 74]. Таким образом, для модернистской парадигмы характерна некая недосказанность, открытость, незавершенность, дающая возможность читателю стать частью этого коммуникативного процесса с автором, а также стать со-творцом того или иного художественного произведения. В связи со всем вышесказанным, филологи и литературоведы определяют модернизм как парадигму неклассической художественности [Тамарченко 2004: 101].

Рассматривая еврейский модернизм в литературе на идише, стоит обратить внимание на одну особенность, которая была не характерна для европейской или русской литературы. Как уже было отмечено выше, модернизм в литературе – это, прежде всего, отказ от предстоящей литературной традиции. Встает вопрос о том, как еврейские модернисты определяют себя по отношению к еврейской традиции [Williamson 2013: 39]. Возникает проблема неоднозначного отказа от традиции, поскольку как таковая литературная традиция на идише только начинала создаваться и находилась в неустойчивой позиции, не была до конца сформирована. Многими еврейскими модернистами была произведена попытка отказаться от гебраизмов в пользу новой лексики, заимствованной из западноевропейских языков.

Молодые еврейские писатели и поэты того времени требовали признания литературы на идиш независимой сферой искусства, требовали освобождения ее от поучительной и пропагандистской миссии [Kronfeld

1996:194-195]. В еврейской литературе на идише тогда начинает появляться особая склонность к эротизму и декадентской тематике, индивидуализму и эстетизму. Появляются новые стихотворные формы, писатели и поэты экспериментируют как с ритмом, рифмой, так и с содержанием, с тематикой произведений, вводят в свое творчество новые образы, новых героев, не характерных для предшествующей еврейской литературы. Разрабатываются модернистские «стратегии пересмотра и уничтожения священных еврейских традиций посредством литературных нарушений», которые впоследствии становятся нормой [Williamson 2013: 54-55]. Все это свидетельствует о восхождении литературы на идише на новый уровень, уровень современной мировой литературы.

Возвращаясь к истории, стоит отметить, что в начале XX века формируются три основных центра литературы на идише: США, СССР и Польша.

Так, в США в 1907 году возникает группа «*Di yunge*», новаторское движение в литературе на идиш. Его представителями являются такие поэты, как Мани Лейб, Мойше Лейб Халперн, Мойше Надир, Х. Лейвик. Деятели этой группы отрицают рабочую поэзию, восстают против пролетарской эстетики, которая отражает коллективное сознание, провозглашают главной целью своего творчества «искусство ради искусства». Здесь пред нами предстает понимание модернизма как отступление от массовой культуры, в котором провозглашается главный принцип - автономии искусства, а также некая враждебность по отношению к "массам" [Levinson 2004:145]. Поскольку большинство из деятелей группы «*Di yunge*» владели русским языком, они во многом ориентируются на русский символизм. Поэты большое внимание уделяют звукоряду и новым, легким и разнообразным темам и сюжетам, экспериментируют с различными размерами, рифмами. В поэзии «*Di yunge*» получает распространение межкомпонентная рифма.

Если в период до Первой мировой войны в литературе на идише преимущество над поэзией имела проза, то в послевоенный период существенно увеличилось количество поэтических произведений, а также изменилось их качество, поэзия на идише вышла на новый уровень.

В 1919 г. в США появляется группа поэтов «In zikh», которая формирует модернистскую концепцию по европейскому образцу. К деятелям этой группы следует таких поэтов, как Янкев Глатштейн, Авром Гланц-Лейелес, Анна Марголис. Поэты провозглашали самонаблюдение исходным моментом художественного творчества. Они видят свою задачу в придании поэзии субъективности, в реализации поэтического Я, в изложении внутреннего мира поэта. Важно отметить, что они противопоставляют себя группе «Di yunge», критикуя их символизм и туманность образов. Их вдохновителями являлись имажисты, представители английской и французской поэзии. Поэты группы ««In zikh»» впервые отказываются от рифмы и традиционных размеров, считая, что пришло время для свободного эксперимента. Их деятельность явилась некой декларацией поэтической свободы. Они также протестуют против суждения о том, что еврейская поэзия на идише должна говорить только на еврейские темы, отражать лишь еврейские сюжеты. По мнению поэтов-модернистов, идиш на тот момент уже созрел для того, чтобы говорить на любые темы, отражать мировые сюжеты.

В СССР основным центром еврейского модернизма являлся Киев. В 1919 году появляется новая группа, в которую входят прозаики Довид Бергельсон, Дер Нистер, поэты Лев Квитко и Довид Гофштейн.

Говоря о развитии модернистской поэзии в Польше, следует отметить, что в 1919 году в Варшаве была создана группа модернистов «Yung yidish», основатель - Мойше Бродерзон. Несколькими годами позже, в начале 1920-х годов, там же была создана группа поэтов-экспрессионистов "Халястре", в которую входили Перец Маркиш, Ури Цви Гринберг, Мелех Равич. Они были более радикальны, тяготели к футуризму, боролись с реализмом в

искусстве, используя в своем творчестве экспрессивные высказывания, антирелигиозные сюжеты, популярной была тема насилия.

В Литве, в частности, в Вильнюсе наиболее известной являлась группа молодых литераторов, поэтов и прозаиков, имевшая название «Yung Vilne», в нее входили Авром Суцкевер, Хаим Граде, Шмерке Качергинский, Моше Левин и другие.

Необходимо отметить, что еврейская проза на идише также пережила процесс модернизации. В это внесли свой вклад «импрессионистический стиль Д. Бергельсона и Л. Шапиро, символистские рассказы и повести Дер Нистера и Д. Игнатова, почвенная жизненность И. Опатошу» [Краткая еврейская энциклопедия 2005: кол. 659].

Довид Бергельсон (1884-1952) в своем творчестве ориентируется на западноевропейскую и русскую литературные традиции. Одной из наиболее значимых для литературы на идише произведений – роман «Когда все кончится» повествует о переходном периоде, когда еврейская традиция обесценивается, находится в упадке. Новаторство для литературы на идише у Д. Бергельсона здесь проявляется, в том числе, в том, что главным героем является женщина, которая предстает не как типаж, а как личность, в чем проявляется тенденция индивидуализации героя [Krutikov 2016]. Импрессионистские черты, присущие роману, заключаются в том, что он построен не на развитии персонажа, его сюжетной линии, а на сгущении впечатления. Другим известным еврейским модернистским прозаиком является Опатошу (1886-1954). Впервые в истории литературы на идише Опатошу вводит жанр большого исторического романа. Наиболее известным его произведением является роман «В польских лесах», написанный в 1921 году.

Стоит отметить также творчество одного из величайших еврейских прозаиков, писавших на идише, - Ицхака Башевица Зингера (1902(4)-1991). В

своем творчестве он искусно сочетает глубокие внутренние переживания героев и внешние впечатления, еврейскую самобытность, традиционализм и взятые из образцов мировой литературы новые формы, не характерные для еврейской культуры. В 1978 году писателю была присуждена Нобелевская премия, что явилось знаком признания его как великого поэта мирового уровня, а также стало свидетельством высокой оценки и признания еврейской литературы на идише.

Подводя итог, необходимо отметить тот факт, что изначально, будучи привязанной к фольклору, к истокам еврейской традиции, к народу, литература на идише была ориентирована на массового читателя. Однако с начала XX века еврейская литература на идише становится не массовой, а элитарной, возникает высокая литературная традиция. В творчестве поэтов возникают тенденции к обновлению литературы, происходит поиск нового языка, поиск нового героя. Возникают новые метры, рифмы и размеры, новые темы и сюжеты, поэты экспериментируют как с формой, так и с содержанием. Если ранее в произведениях на идише читатель чаще всего встречал темы еврейской тоски, изгнания, угнетенности еврейского народа, наблюдал в литературе образы местечек и религиозные мотивы иудаизма, то теперь в модернистской поэзии все чаще звучат эротические и экзотические мотивы, находят отражения события мировой истории. Как отмечал В.А. Дымщиц, специалист в сфере литературы на идише, «художественный язык модернизма универсален, он вновь отказывается от поисков локального колорита, которыми были озабочены романтики и реалисты» [Дымщиц 2010]. Таким образом, еврейский модернизм стремится к разрыву с традицией, созданию нового литературного идиша и новой литературы. Одним из первых поэтов, кто стремился к исполнению этой миссии - обновления еврейской литературы на идише - является Лейб Найдус.

Глава 2. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ЛЕЙБА НАЙДУСА

1.1 Жизненный путь Лейба Найдуса

Лейб Найдус родился 6 ноября 1890 года в богатой семье маскилов⁶ в Гродно, где временно жили его родители, переехавшие из маленького города Кустина в сравнительно большой город с целью дать достойное образование детям. Затем, спустя некоторое время, семья снова переехала в Кустин, город, находившийся неподалеку от Гродно. Его отец, Ицхок, будучи богатым землевладельцем и предпринимателем, основал там фабрику, и в то же время стал заниматься сельским хозяйством [Zak 1924: 5]. В молодости отец поэта также проявлял большой интерес к еврейской литературе и даже сам писал стихи на иврите, что, несомненно, повлияло и на интерес Лейба Найдуса к поэзии.

Детство Л. Найдус проводил в имении отца, в Кустине. “Он был воспитан под опекой отца, сторонника Гаскалы, чувствительной, проницательной матери и доброй бабушки, примечательного типа еврейской женщины, которая объединила в себе все качества еврейки из «Цеене-у-Реене» с глубокой любовью к природе, деревьям и цветам”⁷, — писал Залман Рейзен о воспитании юного поэта [Rejzen 1927: 553]. Стоит отметить, что бабушка имела большое влияние на внука и глубокую связь с ним, а также она передала ему свою любовь к природе, что в дальнейшем отразилось на его творчестве в многочисленных природных мотивах. Бабушка также читала ему сказки и легенды, рассказывала экзотические истории о дальних странах, что, безусловно, развивало воображение юного поэта, а также нашло отражение в его творчестве и его тяге к экзотике. Авром Зак, близкий друг Л. Найдуса, писал о его бабушке как о женщине “с редкой душой, которая всю свою доброту и любовь передавала в качестве величайшего наследия последующим поколениям” [Zak 1924: 8]. Л. Найдус и позже, во взрослом

⁶ Маскил (дословно «просвещенный») — приверженец еврейского просветительного движения Гаскала

⁷ Здесь и далее перевод с идиша мой — И. Т.

возрасте, был сильно привязан к своей бабушке, писал, что бабушка – это тот человек, который “может успокоить, утешить после самых тяжелых минут в жизни” [Zak 1924: 8]. Поэт посвятил бабушке целый цикл стихотворений «К моей бабушке».

Первое общее и еврейское образование Лейб Найдус получил у домашнего учителя, который обучал его ивриту и Танаху, позднее Л. Найдус также учился в еврейской начальной школе в Гродно. К одиннадцати годам он поступил в коммерческое училище в Радоме, откуда спустя два года уехал и поступил в училище в Белостоке. В 1905 году он был отчислен из-за участия в студенческих «сходках» революционного рабочего движения сионистов-социалистов. В этой партии Найдус продолжал работать и позднее в определенные периоды своей жизни. Однако он всегда в гораздо большей степени был поэтом, чем партийным активистом [Zak 1924: 8]. Затем он поступил в училище в Ковне, но вскоре также был исключен из него по причине участия в партийных «сходках» в Белостоке. В 1908 году, он поступил в училище в Вильнюсе, однако в 1911 году, будучи в последнем классе, оставил учебу и полностью посвятил себя поэзии. “Освободившись от сухого чтения книг, он быстро рос как поэт, как маэстро формы и ритма, маэстро нового, модернизированного идиша”, — писал Авром Зак [Zak 1924: 9].

Уже в возрасте 10 лет он начал писать свои первые стихи на русском, иврите и идише и публиковать их в местных русских изданиях [Novershtern 2016]. Это были короткие, детские, наивные стихи о природе, о его окружении, о национальных праздниках и об Израиле [Zak 1924: 10]. Однако в этих первых попытках уже были видны следы будущего поэтического таланта, и его учителя, заметив в нем перспективы поэта, во многом помогали ему своими наставлениями и советами.

Из всех студентов он также отличался своими весьма звучными русскими стихами, которые он частично публиковал в некоторых русских

печатных изданиях [Rejzen 1927: 553]. Это был, так называемый, “русский период” в творчестве Найдуса. Сохранилась целая коллекция его рукописных стихов этого периода под названием «Полевые Панно». Однако собрание его ранней поэзии на русском языке до сих пор не издано.

Позднее он также время от времени писал стихи на русском, но поскольку его дебют состоялся на идише в варшавской «Roman-tsaytung» (Романе-газете)⁸, он все больше стал писать именно на идише. С того времени Найдус все сильнее и все усерднее отдавался поэзии на идише. В то же время литература на идише переживала своё возрождение [Zak 1924: 10]. Вильнюс и Варшава стали центрами еврейской литературы на идише, в которых было сосредоточено множество еврейских издательств. Найдус публиковал свои стихи и переводы в различных журналах, таких как «Roman-tsaytung», «Lebn un visnshaft», «Dos naye land», «Parizer zhurnal» и «Di yidishe velt». Помимо собственных работ, он опубликовал тогда ряд переводов произведений европейских классических и современных поэтов.

В 1915 году в Екатеринославе с помощью своего друга, И. Авчина, Лейб Найдус опубликовал свой первый сборник стихов на идише «Lirik – Ershtes bukh» («Лирика. Первая книга»), который был напечатан в Вильнюсе. Но из-за военной ситуации и условий немецкой оккупации он не мог распространить свою книгу. Таким образом, его первый серьезный выход в литературу остался без какого-либо резонанса, при жизни поэту не суждено было услышать слово одобрительной критики, признания со стороны литературных авторитетов (короткая рецензия Лазара Коэна в «Народной газете» 1917 г., возможно, была единственной реакцией на стихи Лейба Найдуса при жизни поэта) [Rejzen 1927: 554]. “Молодой поэт должен был довольствоваться лишь восторгами еврейской молодежи, главным образом,

⁸ В 32-м номере «Roman-tsaytung», специально посвященном начинающим авторам, было опубликовано его первое стихотворение на идише «Di junge harpe» – “Молодая арфа” (1907 год) [Rejzen 1927: 554]

студентов, которые знали его как блестящего чтеца собственных работ”, — отмечает Залман Рейзен [Rejzen 1927: 554-555].

Последние годы жизни Л. Найдуса были наиболее плодотворными, однако, следует обратить внимание на исторический контекст этого периода, и на то, нашли ли исторические события и состояние общества того времени отражение в творчестве Л. Найдуса. Последние годы жизни и творчества поэта совпали с самыми страшными жестокими годами Первой мировой войны (1914-1918) и началом масштабного общественного переворота. Многие писатели и поэты, жившие в то время, так или иначе, отражали данные исторические события в своем творчестве — тематически или эмоционально затрагивая проблемы, назревшие и существовавшие в обществе. Однако, в творчестве Лейба Найдуса мы не находим отражения событий этого страшного периода, никаких признаков того, что происходило тогда. Более того, его поэзия этого времени наполнена особой энергичностью, жизнерадостностью и гармонией. “Когда мы читаем его, можем полагать, что он жил в самый лучший процветающий период жизни на земле. Такого рода человек не имел никаких других забот и других дел, кроме как упорядочивание и улучшение своего лирического мироощущения, мировосприятия. У него все было гармонично и превосходно”, — так писал о поэзии Л. Найдуса того времени критик Аарон Закуски. [Zacusky1951 :5].

Во время Первой мировой войны из-за тяжелых условий немецкой оккупации Вильнюса Лейб Найдус был вынужден покинуть город, где он быстро стал популярным, благодаря своим «Эстетическим вечерам», и весной 1916 года он переехал домой, жил в Гродно и Кустине и очень много писал. В Гродно он снова погрузился в атмосферу еврейской культуры, стал выступать с публичными чтениями и лекциями [Novershtern 2016]. Время от времени Л. Найдус публиковал свои лирические и юмористические стихи в вильнюсском журнале «Последние новости», в то же время начал переводить на идиш сказки Пушкина. Так, в 1917 г. в Вильно вышел перевод «Сказки о

мертвой царевне и семи богатырях». В 1917 году он опубликовал в Гродно литературный сборник «Nyeman» («Неман»), а в 1918 году – небольшой сборник стихов о природе «Di fleyt fun Pan» («Флейта пана»). Последние два года его жизни были очень плодотворными. Так, были изданы несколько циклов стихов, таких как «Intime nigunim» («Интимные напевы»), «Main folk» («Мой народ») и другие. Он также писал и публиковал легкие юмористические и сатирические стихи и рассказы (публиковался под псевдонимами, такими как «Лейбик Райхл», «Леонардо», «Лоло» и другими) в «Vilner vokhnblat» и позднее в «Letste nays» [Zak 1924: 11].

Л. Найдус также много работал над переводами на идиш шедевров мировой поэзии, в частности переводил произведения русских и французских поэтов, таких как Ш. Бодлер, П. Верлен, Э. По, Г. Гейне, И. В. Гете, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов [Краткая еврейская энциклопедия 2005: 589].

Очень сильное влияние на душевное состояние поэта оказала глубокая, длительная любовь, которую он испытывал вплоть до смерти. “Будучи богемным человеком, Л. Найдус всегда был окружен большим количеством прекрасных женщин, но была лишь одна, которая навсегда завладела его сердцем и душой”, - писал Авром Зак об отношениях поэта с его возлюбленной, госпожой Х.Г., которая “отличалась блестящим интеллектом и приятной внешностью”. [Zak 1924: 12]. Она была для поэта живым источником вдохновения, Л. Найдус писал о ней и для нее, посвятив ей не одно стихотворение. Эта девушка оказала действительно большое влияние на поэта, и, благодаря этому влиянию, он стал писать исключительно на языке идиш. Внезапная болезнь возлюбленной поэта вынудила её уехать на лечение в Швейцарию, и на протяжении долгих лет разлуки «госпожа Х.Г.» общалась с поэтом лишь по переписке. Письма Л. Найдуса представляют собой значительную коллекцию литературного творчества, сами по себе имея большую ценность, поскольку “содержат выраженные страдания и любовь, мысли и чувства поэта” [Zak 1924: 12].

Лейб Найдус не чуждался общественной жизни и часто был инициатором различных лекций, презентаций, литературных вечеров. Он был не обделен актерским талантом, который демонстрировал во время своих выступлений, чтений стихов и докладов, благодаря чему имел популярность среди зрителей. Л. Найдус был также талантливым музыкантом. “Не зная нот, он исполнял прекрасные и весьма серьезные произведения на фортепиано”, - отмечал Авром Зак [Zak 1924: 13]. Кроме того, он обладал мягким голосом и хорошо пел. Он был энергичным, жизнерадостным, метким в эпиграммах и в словесных экспромтах так, что на балах и вечерах он всегда был в центре внимания, “всегда был главным героем” [Zak 1924: 13]. Также в изобразительном искусстве Л. Найдус проявил определенные способности. В его тетрадях были найдены «весьма удачные» виньетки к его стихам. [Zak 1924: 13]. Все эти способности и таланты Лейба Найдуса помогали ему лучше понять и воплотить в своем творчестве пластику слова, ритм и музыку стиха.

В последние годы своей жизни поэт часто впадал в состояние апатии и меланхолии. Одиночество, оторванность от литературной среды, разлука с любимой, повлияли на энергичного жизнерадостного поэта, и предчувствие приближающейся смерти в то время нашло выражение в ряде его стихов. [Rejzen 1927: 555-556]. Так, эта тема была раскрыта Л. Найдусом в стихотворениях «Мечта» (из сборника «Lirik»), «Последний день боли», «Последняя страница», «После моей смерти» (из сборника «Litvishe arabeskn»), «Дорогая, любимая земля» (из сборника «Intime nigunim») и во многих других.

В последние месяцы он отправился в тур по Гродненским провинциям, выступая с чтением стихов и с двумя докладами «Поэзия на языке идиш» и «Перец и Шолем Алейхем» [Rejzen 1927: 556]. Эта поездка стала началом трагического конца жизни поэта. Во время этого тура Л. Найдус простудился и слег с сильным жаром. “Он запустил лечение болезни, и, живя в Гродно в

изолированной комнате на тихой улице, даже не сообщил об этом домой в Кустин, а также своим гродненским друзьям. Так он лежал три дня в неотапливаемой комнате, без какого либо ухода, а через три дня выяснилось, что у него дифтерия, но уже было слишком поздно”, - отмечает Залман Рейзен [Rejzen 1927: 556]. Даже будучи в таком состоянии, поэт не оставлял свои литературные планы по изданию новых произведений и до конца жизни творил. Л. Найдус был физически и духовно измучен, но на все предупреждения, жалобы и просьбы он имел лишь один ответ: “Я кладу весь свой вес не на длину жизни, а на ее содержание” [Zacusky1951 :16]. Это говорит о том, насколько предан он был своему делу, полностью отдавал себя поэзии. Однако слабое сердце и измученный организм не выдержали болезни, и через час после того, как его отвезли в больницу, двадцативосьмилетний поэт в полном сознании скончался. Это событие произошло 23 июля 1918 года. Его неожиданная смерть стала значительным фактором для сохранения памяти о Л. Найдусе в еврейских культурных кругах: он запомнился поэтом, ушедшим в полном расцвете сил без перспективы в полноте осуществить свой творческий потенциал [Novershtern 2016].

Весть о смерти Л. Найдуса быстро распространилась по всему городу, и все были сильно потрясены. Похороны происходили на следующее утро, на церемонию пришла вся молодежь города, чтобы отдать дань уважения, попрощаться с поэтом, который в этом городе был столь популярен и любим. Однако ни одного учреждения, ни одной ассоциации, ни одной организации не было среди участников этой церемонии. “Ленты, венки, красные флаги. Грустная и торжественная процессия тянулась по заснеженным улицам Гродно во главе с поэтом, закутанным в саван. Все лавки вокруг были закрыты. У открытой могилы произносили речи - пропитанные горячими слезами слова...”, — так писал об этом событии в своих воспоминаниях Авром Зак [Zak 1924: 18].

Л. Найдус всю свою жизнь посвятил поэзии, ее возрождению на идише, обогащению и развитию. Все свои чувства, мысли, эмоции он воплощал в стихах, стараясь поделиться с читателем своим видением мира. Как писал А. Закуски, “мир Найдуса – это поэзия, и он жил с ней и для нее. Это был воздух, которым он дышал, для него это были как его средства к жизни, так и сама жизнь” [Zacusky1951 :10].

2.2 Критическая оценка творчества Л. Найдса

Заслуга Л. Найдуса состоит, прежде всего, в том, что он обогатил поэзию на идише многообразными сложными формами стихосложения. Он практически впервые внес в поэзию на идише хорошо проработанные примеры разнообразных строф: сонеты, терцины, октавы, триолеты, сицилианы, мандригалы, газели и другие. Его стихи богатые, оригинальные и зачастую весьма необычные и странные. По мнению Залмана Рейзена, Лейб Найдус, возможно, был самым большим виртуозом в искусстве рифмовки в поэзии на идише [Rejzen 1927: 557]. В погоне за эффектами внешних форм, Л. Найдус нарушил технику стихосложения слишком высоким стилем. По мнению критиков, в этом мастерстве вся сила поэта, но в этом также и его слабость. Стихи Л. Найдуса зачастую слишком перегружены изысканными формами, необычными, странными рифмами, постоянными повторами. Это ослабляет впечатление, создаваемое скорее от внешней декоративной красоты, а не от содержания. Л. Найдус, действительно, предавал большее значение внешним формам, нежели содержанию и смыслу. Это во многом происходило из-за его чрезмерной восторженности, восхищения формами, которые он черпал из мировой поэзии, а также из-за любования собственным языковым богатством рифм, ритмов и манеры. Критики подчеркивают, что это мешало Л. Найдусу привнести в поэзию полноту содержания, глубину смысла. Как указывает З. Рейзен, по его мнению, в поэзии “внутреннее переживание больше и важнее, чем музыкальные ритмы и визуальные эффекты” [Rejzen 1927: 557].

Однако Л. Найдус четко осознавал свою цель и свою роль в литературе на идише – обогатить поэзию новыми формами, рифмами, новой лексикой, вывести ее на мировой уровень, а также убедить читателей в том, что он сам сможет звучать как мировой поэт. “Со странным наслаждением, с юношеской влюбленностью в процесс собственного творчества, с осознанием себя как инициатора, зачинщика, пионера в сфере еврейской поэзии чувствует он, что он обогатил собственные стихи игрой слов и звуков, форм и красок, блеска и эффектов” [Rejzen 1927: 558]. Его лексикон еврейской лирики богат иностранными словами, в особенности французскими, и иностранными именами, собственными неологизмами и удачно используемыми гебраизмами.

Также стоит отметить, что, по мнению некоторых критиков, Лейб Найдус был одним из представителей еврейского импрессионизма. Находивший под большим влиянием европейской поэзии, которую он также переводил в значительных количествах, он особенно хотел освободиться от жесткости и застывленности традиционализма еврейской литературы [Whitman 1995: 21]. Лейб Найдус был, действительно, поэтическим просветителем, своего рода маскилом в сфере поэзии на идише.

Однако творчество поэта не было понятно простому еврейскому читателю. У него было большое желание ввести в культуру своего народа салонную культуру, которая не содержится в еврейской жизни, которая столь далека для еврейского общества. Для него это было естественно и приемлемо, возможно, потому, что, будучи сыном помещика, он воспитывался и получал образование в соответствующей среде. Причины тому нужно искать также во влиянии, которое оказывали на него его современники - русские и французские поэты - а также более ранние поэты, под влиянием которых он находился. «Легкий, бессодержательный, но полнозвучный Игорь Северянин, Анатолий Штейгер, великолепный, роскошный, пронизывающе-чувствительный Константин Бальмонт, легкие и

легкомысленные Шарль Бодлер и Поль Верлен» [Zacusky1951 :15]. Легкость, игривость, изящество форм и звуков, грациозность мировой поэзии модернистов сразу привлекали Л. Найдуса, мгновенно захватывали его внимание и находили отражение в его поэзии. Однако критики подчеркивают чрезмерное влияние, которое оказывали европейские и русские поэты на Л. Найдуса. “Он был опьянен этой ослепительностью, блеском и магией мировой поэзии. Он был слишком молод, чтобы быть полностью независимым и смотреть на мир зрелым взглядом поэта”, - отмечал А. Закуски [Zacusky1951 :15]. Но, так или иначе, в последние годы жизни Л. Найдус искал себя в мире поэзии, пытался углубиться, погрузиться в свою собственную поэзию, открывал новые грани в поэзии на идише.

Примыкая с формой и стилем его собственной поэзии к школе европейского декаданса, Л. Найдус также привнес в литературу на идише мотивы этой школы с ее склонностью к эротике и экзотическому романтизму. “Эротические мотивы у Найдуса звучат то с трепетным томлением, робкой тоской, то со смелой зрелой страстностью, то они сотканы из поэзии нежных цветов и таинственных драгоценных камней, то находят выражение в восточных стихах, где фантазия поэта находит богатую почву в ослепительном великолепии яркого и солнечного Востока”, — отмечает Залман Рейзен [Rejzen 1927: 558]. В его склонности к экзотичности Л. Найдус также воспроизводит в еврейской поэзии мир греческой мифологии, и в стремлении отдалиться от окружающей среды он даже в классические мотивы добавляет романтический характер. Нельзя не отметить тот факт, что многие критики писали о Л. Найдусе как о романтическом лирике, который “вечно мечтал о неместном, чужом, далеком”. [Zacusky 1951:18]. Любовь и тяга к экзотике, действительно, нашли широкое отражение в творчестве поэта. Как писал А. Закуски, “Он увлекался греческими мифами и восточной экзотикой – и он творил. На олимпе, в тропических лесах, в пагодах у священной реки Ганг, в звучании цимбал и

тамбуринов, в магических движениях восточных танцовщиц, в плавании в лодке под нежное выразительно-трогательное звучание мандолин в гондоле по каналам Венеции, в переходе через пустыню с караванами верблюдов и в авантюрах с пиратами...” [Zacusky1951 : 9]. Все эти ландшафты, места, явления и краски в различных нюансах и оттенках делают Лейба Найдуса близким, родным и своим для всех, кто его читает, вне зависимости от национальности, места рождения или религии, для представителя любого народа. Поэт, действительно, для всего находит правильное слово, звук, ритм и форму. В этой области он был несравненным мастером. По словам критиков, во всей его лирике чувствуется «наравне с нежной мечтательной тоской мальчика, также и воодушевление от его пафосной, экспрессивной индивидуальности, и грандиозный жест классической поэзии», который до сих пор никем не был создан на идише [Novershtern 2016].

Л. Найдус был наделен живой чуткостью к природе. Так, сборник стихотворений «Di fleyt fun Pan» («Флейта пана») и поэма «Di erd ervakht» («Земля пробуждается»)⁹ относятся к наиболее ярким и показательным образцам описания природы в поэзии на идише “с их восторженной радостью, с их солнечной яркостью, с открытостью для всех звуков и красок пробуждающейся весны” [Rejzen 1927: 559]. Тема природы становится одной из центральных тем в творчестве поэта. Как отмечал Аарон Закуски, природа у Л. Найдуса получила свое собственное лицо. “Истинную, подлинную, многокрасочную, сияющую природу нужно искать именно у Лейба Найдуса. Он играл на флейте Пана и вдыхал жизнь во все, что его окружало”, - писал критик [Zacusky1951 :17].

Слабыми были его национальные стихотворения, не особо оригинальные по форме и простые, поверхностные по смыслу. Но там, где он описывает жизненный опыт еврейской молодежи, он настоящий, подлинный

⁹ Поэма впервые опубликована в журнале «Der nayer velt» («Новый мир») в 1919 г. в Вильнюсе

и привлекательный. Некоторые из его стихов (такие как «Солнце и дождь» и др.) были переложены на музыку и стали петься в еврейских школах.

Важно также отметить особую музыкальность произведений Найдуса. Будучи всесторонне одаренным человеком, Л. Найдус обладал хорошим слухом и особой музыкальной чуткостью, что нашло отражение в его поэзии. Как писал Аарон Закуски, в творчестве Л. Найдуса прослеживалась особая “музыкальность слова, музыкальность формы, музыкальность образов, чувств и мыслей. И все это было в превосходной божественной гармонии” [Zacusky1951 :18].

Из его многочисленных стихов и поэм сразу после смерти поэта вышла брошюра «Intime nigunim» («Интимные напевы») (Гродно, 1919) — цикл, состоящий из 33 стихотворений, своеобразных по форме и проникнутых глубоким, благородным чувством, — последняя работа поэта. В 1923 году издательство братьев Левин-Эпштейн вышедших из «Комиссии Найдуса» путем объединения всех еврейских писателей и журналистов в Варшаве, приступили к публикации «Собрания сочинений» Лейба Найдуса и выпустили только первый том «Книги поэм» (“Dos bukh fun poemen”). Второй том «Собрания сочинений» — «Litvishe arabeskn» («Литовские арабески») издан издательством Ш. Ячковски (Варшава, 1924) и содержит библиографические заметки Аврома Зака, «Litvishe arabeskn» из цикла «Lite-reyzazhn» («Пейзажи Литвы»), «Di fleyt fun Pan», «Intime nigunim», «Mayn folk», «Fun briv». С переходом издания Ш. Ячковски к Хаиму Бжоза, последний решил также закончить публикацию «Собрания сочинений» Найдуса, которое было запланировано в 6 томах, среди которых также была книга «Rusishe dikhtung» («Русская поэзия»), изданная в Варшаве в 1926 году.

Некоторые критики утверждали, что его поэзия страдает от поверхностных, внешних украшений. Сам Л. Найдус, которого не смущали эти высказывания, провозгласил свой собственный художественный замысел

и, обращаясь к еврейским критикам, смело заявлял: “Я только тот, кто находит основание в любимой мелодии нашего родного языка” [Novershtern A. 2016]. Его творчество, несомненно, в области современной поэзии на идише уникально: несмотря на то, что он писал на национальные темы, они не самые заметные в его поэзии, и лейтмотивы того времени, такие как жизнь штетла, бедность и нужда, совершенно отсутствуют в его поэзии [Novershtern A. 2016]. С другой стороны, притягательность восточной культуры и её экзотичность играют важную роль в его творчестве. Природа, которая изобилует элементами пантеизма, находится в центре его поэзии.

Будучи одним из отцов модернистской поэзии своего поколения, Л. Найдус соединил воедино еврейские, европейские и интернациональные литературные элементы и приемы, чтобы создать красивый новый образ еврейской поэзии на идише. Эта борьба у Найдуса между его еврейским происхождением и его тягой к европейской культуре зачастую оставляет у читателя весьма экзотическое впечатление. Критики подчеркивали новаторство Л. Найдуса, особенно в области ритмики и сюжетов. По отзыву Я. Глатштейна о поэзии Найдуса, “поэтическая дикция” стихов на идише “до него была в пленках” [Glatstein 1960:147]. Высоко оценивал поэзию Найдуса также литературный критик и публицист Ш. Нигер [Niger 1920: 423]. Подчеркивая роль Лейба Найдуса в истории поэзии на идише, Аарон Закуски сравнивал его с Рубеном Дарио, всемирно известным латиноамериканским поэтом, одним из ярчайших представителей модернизма в испаноязычной литературе, отмечая, что Найдус настолько же важен для еврейской поэзии на идише, как и Дарио для испанской поэзии [Zacusky1951 :10-11].

Л. Найдус не только обновлял, модернизировал поэзию, но также и изобретал, упорядочивал, координировал и устанавливал новшества, привносил свое видение, понимание различных аспектов идишской поэзии - такова была его миссия. Важно отметить, что, чтобы ощутить всю значимость этого, чтобы оценить ту роль, которую он сыграл в становлении

поэтического языка на идише, необходимо узнать всю “бедность и беспризорность” поэзии на идише в то время. [Zacusky1951 :11]. В идише на тот момент больше не было следов столь подлинной и истинной художественной поэзии, которая могла бы существовать наравне с западноевропейской и русской. В еврейской культуре тогда были лишь начатки поэзии на идише, на довольно примитивном, не высоком уровне, далеко от мирового [Zacusky1951 :11]. Таким образом, именно Лейб Найдус стал одним из родоначальников, основателей поэзии на идише. Поэзия на идише формировалась на фундаменте великих литератур, таких как русская и французская. Стоит отметить, что особенность самого языка идиш состоит в том, что он возник на базе нескольких культур и включает в себя несколько различных языковых компонентов: еврейский, немецкий, славянский, романский. Так, мы можем сделать вывод о том, что именно Л. Найдус был одним из тех, кто исполнил важнейшую миссию, такую как создание, формирование поэзии на языке в мультикультурном контексте, что, безусловно, имеет большое значение не только для языка идиш, но и для всей еврейской культуры в целом.

Однако важно подчеркнуть, что роль Л. Найдуса, которую он играл в становлении поэзии на идише, не была по достоинству оценена как исследователями той эпохи, так и современными литературоведами, культурологами и филологами. Как отмечает Я. Глатштейн, “он был основательно забыт, хотя он больше, чем многие другие идишские поэты того времени, работал непосредственно ради поэзии и хотел включить в идишский стих и в сам язык все существовавшие до него достижения и аспекты как мировой поэзии, так и еврейской” [Glatstein 1960:147].

Подводя итог, следует отметить, что поэтическая деятельность Лейба Найдуса совпала с расцветом поэзии русских модернистов и декадентов, что, безусловно, нашло отражение в его творчестве. Поэт переводил на идиш Пушкина, Лермонтова, Готье, Бодлера, Верлена, интересуясь

преимущественно не содержанием, а чисто внешними приемами стиля и версификации. Произведения Л. Найдуса изобилуют подражаниями поэтике русских и западноевропейских модернистов, их поэтику Л. Найдус впервые культивировал и в еврейской поэзии. “Он уже был в плену у мировой поэзии, которую он так безупречно и зачастую гротескно воспроизводил и демонстрировал на идише”, - отмечал Я. Глатштейн. [Glatstein 1960:148]. Говоря о содержании его стихов, произведения Л. Найдуса полны экзотических сюжетов, много внимания уделяется также эротическим мотивам.

Поэтический язык Л. Найдуса отмечен изобилием слов мировой художественной литературы и отражает высочайшую широту горизонтов культуры поэта. Ссылки на греческую мифологию, восточные мотивы и, конечно, связь с западной культурой играют в его поэзии главную роль.

Однако Л. Найдус большее значение придает форме стиха и внешним эффектам, нежели содержанию. Он имитирует верленовскую “музыкальность”, занимается формально-техническими ухищрениями, стилизацией, приданием манеры идишскому стиху. Частое использование сонетов, восьмистиший, триолетов и других форм поэзии раскрывает его замысел – обогатить поэзию на идише во всех её аспектах. А. Новерштерн отмечает, что “поэзия Найдуса делает попытку вызвать переживания в широкой области, близкой к неограниченным возможностям, которые поэт встречает на своем пути, ощущения культурного и эмоционального богатства, достигающие высшей точки” [Novershtern 2016].

Глава 3. АНАЛИЗ ПОЭЗИИ ЛЕЙБА НАЙДУСА

3.1 Эксперименты с сюжетом, новые темы и образы

Как уже отмечалось выше, главной заслугой творчества Л. Найдуса являлось становление нового поэтического языка на идише. Лейб Найдус конструирует свой язык, используя новые темы, новые для еврейской литературы сюжеты, играет с образами, метафорами. Наиболее популярными темами, нашедшими отражение в его поэзии, стали темы природы, любви, выражения внутреннего «Я» поэта. Но также среди любимых автором тем были и новые для еврейской литературы темы мира Востока и греческой мифологии, мореходства и пиратства, Севера и другие. Центральными в его творчестве были романтические, экзотические и эротические мотивы. Даже классические традиционные еврейские сюжеты Найдус наделяет романтическим характером. В этом отражается увлеченность Л. Найдуса произведениями мировой поэзии того времени, с присущими ей романтической лирикой, психологическими мотивами, эротизмом и легкостью и грациозностью образов.

Для создания нужных образов также важна хорошо подобранная лексика. Так, грамотно использованное слово, если оно правильно употреблено и занимает нужное место в тексте, способно создать желаемое впечатление на читателя, помочь поэту в создании необходимого образа. Именно поэтому Лейб Найдус использует в своем творчестве достаточно разнообразную лексику. Так, его лексикон богат иностранными словами, в особенности французскими, иностранными именами, собственными неологизмами и удачно используемыми гебраизмами.

Для того чтобы проследить данные тенденции и аспекты творчества поэта, в ходе данной работы было прочитано и исследовано большое количество стихотворений Лейба Найдуса, однако для более подробного

анализа были выбраны наиболее интересные и показательные образцы новаторства поэта в сфере сюжета и тематики.

Так, например, в стихотворении «Alt frantsoyzishes» поэт раскрывает совершенно новые и не характерные для еврейской поэзии образы Коломбины и Пьеро, что говорит нам о воздействии мировой литературы и мировой культуры на еврейского поэта:

“Es shmekht mit tsaytiker verbene	Пахнет цветущей вербой,
Parukn laykhtn zilber-gro, -	Парик ее сияет серебристо-серый,
Dort, hinter royzn kustes yene	Там, под кустами роз
Mit kolombinen zitst pyerro...”	Сидят Коломбина и Пьеро...

[Naydus 1926:282]

Данное стихотворение не лишено присущего творчеству Л. Найдуса романтизма, раскрывающегося в образах возлюбленной Элизы, тонких ароматов роз, «черного серебра ее браслетов», звуков гобоя, грациозных менуэтов, маскарада и «танца прекрасной маркизы». Также здесь следует отметить отражение эротических мотивов в данном стихотворении: “Dos veynt far libe Kolombine, un emits tsertlt zi un glet...” («И плач по любимой Коломбине, которую ласкает и гладит кто-то другой...») [Naydus 1926:283].

Другое стихотворение Лейба Найдуса «Portret» также содержит в себе новые образы – автор представляет еврейскому читателю образ Сикстинской Мадонны, описывая ее портрет: “Tsu der tsarter Madonne in sukstiler kapelle” (букв. «к нежной Мадонне в Сикстинской капелле») [Naydus 1926:303]. Поскольку подобного рода образы в тот период практически не находили отражения в поэзии на идише, то творчество Л. Найдуса также помогало еврейской молодежи знакомиться с различными объектами мировой культуры. В данном стихотворении поэт также использует яркие метафоры, эпитеты и сравнения для создания более глубокой образности: “In di ougn di

shmole ligt a troyeriker pele” («В этих глазах узких лежит печальное чудо»), “Ir ponim vi a yunge levone” («Ее лицо, словно молодая луна») [Naydus 1926:303].

Стихотворение “Elnt” («Одинокий») весьма глубоко и ярко отражает внутренний мир автора, показаны личные переживания, размышления, чувства поэта:

«Ikh veys: du benkst, vi ikh in troyer	А возможно даже глубже, чем
Un efsher tiper, vi ikh meyn,	считаю я,
Ver veyst, vi groys iz der badoyer	Кто ж знает, насколько велика эта
Ver kon a hunt-harts farshteyn?...»	горечь,
[Naydus 1926:293]	Кто сможет понять щенячье
	сердце?..

Я знаю, ты скучаешь, как и я, в
печали,

Еще одним интересным для рассмотрения произведением является сонет Л. Найдуса “Tsu eyner...” («Одной...»):

“Mayn umbakante tayere brunetin,	Un shlofst in duftik-rozn buduar,
Du veyst nisht vi ikh vil dikh, vi ikh	Dokh blaybstu fort a kind fun
gar,	Zanzibar,
Es klingt nisht op mayn tsofendike	Getsirt mit kreln un mit amulet...
tsar,	Dir geyen nisht di mode-hit...Un
Ba dir in guf dem leyndshaftlekh-	leyder
netn...	Farshvekhnikh banal-geneyte
Un khotsh du tretst af glantsike	kleyder,
parketn,	

Vos lozn nisht dayn prakht aroyszen
fray,

Dayn bronz-getokter kerper iz bashafn

Tsu dreyen zikh in tantsn fun shvartse
shklafn

Mit umfarshtendlekh-vilder

kvitsheray...” [Naydus 1926:33]

Одной... (сонет)

Моя незнакомка, моя дорогая

брюнетка,

Ты не знаешь, как я хочу тебя, как я
жажду, вождедею,

Но не отзвучит моя северная
печаль,

В твоём теле нотами страсти...

И хоть гуляешь ты по глянцевым
паркетам,

И спишь в будуаре, наполненном
ароматами роз,

Но ты останешься ребенком

Занзибара,

Украшенной бусинами и
амулетами...

Не идет тебе модная шляпа, и, увы,

Оскверняют тебя эти заурядно
сшитые платья,

Не позволяющие свободно
рассмотреть твоё великолешие..

Твоё бронзовое утончённое тело
создано

Для того, чтобы двигаться в танце
чёрных невольниц

С необъяснимыми дикими
криками...

В данном сонете воспроизводятся две главные тенденции поэзии Лейба Найдуса – эротизм и тяга к ориентализму. Стихотворения богато различными средствами художественной выразительности, особенно эпитетами и метафорами, что помогает автору воссоздать образ восточной девушки, одетой в европейские одежды и оторванной от той восточной среды Занзибара, где она родилась.

Экзотические мотивы также нашли отражение в стихотворении “Venitsianishe motivn” («Венецианские мотивы»), однако здесь автор воссоздает уже не картины востока, а атмосферу Венеции:

Venitsianishe motivn.	Заблудился бриз в усталых
S'kusht a vintl di kanaln,	Беломраморных порталах,
Shvebt-adurkh un vert farpaln	И дрожит вода в каналах
Tsvishn marmorne portaln,	Под дыханьем ветерка.
Af dem bregndikn rand,	На порфировых колоннах,
Af di kuntsike fasadn,	На фасадах утомлённых
Af porfir fun balyustradn	И на балюстрадах сонных
Pinzlt zilberne ksav-yadn	Пишет лунная рука.
A levonedike hant.	А над зеркалом лагуны
Un bay bloylekhe lagunes	Зазвонят негромко струны:
Vi farlozene agunes	Гондольер, красавец юный,
Veynen tsiterdike strunes,	Заиграет в тишине.
Bay a yungn gondolyer,	Внемлет ночь его канцоне,
Un dem klang fun der kantsone,	И луна на небосклоне,
Horkht di blaslekhe levone,	Словно донна на балконе,
Vi a troyerike donne,	Загрустила в вышине. ¹⁰

In ir eynzamen bager. [Naydus
1924: 285]

Венецианские мотивы.

¹⁰ Перевод с идиша Исроэла Некрасова, - поэта, переводчика, - <http://www.stihi.ru/2012/12/09/68>

Стоит отметить, что Лейб Найдус очень тонко и точно передает настроение Венеции. Однако сам поэт никогда не был в Венеции. Все образы в данном стихотворении являются лишь плодом его воображения, фантазии. Образ Венеции с ее гондольерами и каналами также раскрывается Л. Найдусом в стихотворении “Gondol-lider” («Песня гондолы») [Naydus 1926: 370].

Как уже было упомянуто выше, двумя наиболее любимыми темами у Л. Найдуса стали темы природы и любви. Так, стихотворение “Dem velt hob ikh lib...” («Я лес полюбил...») хорошо иллюстрирует это:

Dem velt hob ikh lib...

Dem velt hob ikh lib, velkher tsit zikh
avek,

Un shpart zikh in himelin zinigen ayn;

Ah, neyn, nisht dem velt, nor dem
shmolinken shteg,

Vos shneydt zikh in valdiken hartsen
arayn...

Dem shmoliken shteg hob ikh lib, vos
iz bloyz

Mit mokh un mit oreime blimlekh
batsirt;

Ah, neyn, nisht dem shteg, nor dos
eynzame hoyz,

Tsu velkhen dos shleynglende
shtegele firt...

Dos hoyz shteg hob ikh lib, vos iz
likhtik bakroynt,

Mit duftike grin's, un mit boymer
farshtelt;

Ah, neyn, nisht dos hoyz, nordos
meydl, vos voynt

In heyzel in yenem, in shtilen
getselt...[Naydus 1924: 44]

Я ЛЕС ПОЛЮБИЛ...

Я лес полюбил, что под ветром
дрожит

И тянется к небу зелёной стеной;
Ах, нет же, не лес, но тропу, что
бежит,

Петляя, как змейка, в чащобе
лесной.

Люблю я тропинку, поросшую
мхом,

С ней рядом – подснежников синь

по весне...

Ах, нет, не тропинку люблю я, но

дом

За лесом зелёным, на той стороне.

Люблю этот дом, и его простоту,

И яблонь, цветущих вокруг,

хоровод;

Ах, нет, не домишко люблю я, но

ту,

Которая в этом домишке живёт...¹¹

¹¹ Перевод с идиша И. Некрасова -
<http://www.stihi.ru/2011/03/12/9651>

Одной из самых ранних опубликованных работ Л. Найдуса, в которой также центральными темами становятся темы любви и природы, является стихотворение “A folks-motiv” («Народный мотив»):

Blimelekh bloyninke, blimelekh
sheyninke,

Reytst nisht mayn harts, velkhes nogt.

Punkt ot azelkhene bloyinke oygelekh

Hot mayn gelibte farmogt.

Foygl du libinker, foygl di goldinker,

Zing nit, vos vekstu mayn shmarts?

Punkt ot azoy flegt mir zingen mayn

feygele,

Velkher gehert hot mayn harts...

Vaserlekh kilinke, vaserlekh shtilinke,

Murmlt nit: ikh bin batribt.

Punkt ot azoy flegt mir murmlen:

mayn tayerer

Di, velkhe ikh hob gelibt...

Boymelekh yunginke, boymelekh
grininke,

Roysht nit un rirt nit mayn vund,

Punkt ot azoy rousht dos bliende

boymele

Shtil af ir keyver atsund...[Naydus
1924: 316].

«Цветочек голубенький, цветочек
красивенький,

Не тревожь мое сердце, которому
не дают покоя

Точно такие же голубые глазки,

У моей любви.

Водичка прохладная, водичка
тихая,

Не журчи, ведь опечален я,

Точно также же бормотала моя
дорогая,

Та, которую я любил...

Птичка милая, птичка золотая,

Не пой, к чему пробуждать мою
скорбь?

Точно также пела мне моя девушка,

Та, которую слушало мое сердце.

Деревья молоденькие, деревья

зелененные,

Не шумите и не ворошите мои

раны,

Ведь точно также шумит сейчас

цветущее деревце

В тишине на ее могиле...»

Данное стихотворение было написано в 1909 году, когда поэту было всего 19 лет, однако здесь мы уже видим яркий, глубокий образ потерянной любви, а также внутренние терзания и переживания поэта. Также здесь раскрыты образы природы, с использованием различных эпитетов, олицетворений, метафор – автор сопоставляет образы цветов, воды, птиц и деревьев с образом своей возлюбленной, таким образом одухотворяя природу. Природа здесь становится образом постоянного напоминания о его утрате, о покинувшей этот мир возлюбленной.

Стоит отметить, что тема потерянной любви была характерна для раннего периода творчества Л. Найдуса. Так, эта тема раскрыта поэтом и в другом его стихотворении, написанном также в возрасте 19 лет, которое имеет название “Neyn, keynmol!..” («Нет, никогда!...»):

«Neyn, keynmol!...»

Vel ikh amol im hern vider?

Ikh zits aleyn, mayn kind, in gortn,

Der gortn flistert: “Neyn, keynmol!..”

Mir hobn do farbrakht amol,

Vel ikh nokh ven derzen dikh vider?

Du flegst mayn lebens-veg bashitn

Der gortn flistert: “Neyn, keynmol!..”

Mit roze troymen on a tsol,

Vel ikh amol derzen zey vider?

Du bist farshvumen, vi a khoylem,

Der gortn flistert: “Neyn, keynmol!..”

Ikh her nisht mer dayn libn kol;

Ikh bin fun zunen barg geshleydert

In zumpik-nepldikn tol,

Vel ikh derzen di zun nokh vider?

Der gortn flistert: "Neyn, keynmol!.."

[Naydus 1924: 227]

Никогда!..

Сижу в саду, где мы гуляли

С тобою в прежние года.

Увижу ли тебя я снова?

Шумят деревья: «Никогда...»

Я помню, как твой нежный голос

Тепло дарил мне в холода.

Услышу ли твой голос снова?

Шумят деревья: «Никогда...»

Мечты, что ты мне подарила,

Давно исчезли без следа.

Смогу мечтать, как раньше, снова?

Шумят деревья: «Никогда...»

И я со светлых гор спустился

В долину холода и льда.

Увижу ли я солнце снова?

Шумят деревья: «Никогда...»¹²

¹² Перевод с идиша И. Некрасова -
<http://www.stihi.ru/2013/04/05/144>

Мысль о том, что прошлого не вернуть, часто находит отражение в творчестве многих поэтов. У Лейба Найдуса эта тема становится рефреном, проходящим через все его творчество. В данном стихотворении поэт весьма искусно использует такой синтаксический прием как эпифора: «Der gortn flistert: “Neyn, keynmol!..”» (Шумят деревья: «Никогда...»). Это усиливает впечатление глубокой печали и утраты, придает художественной речи особую выразительность и экспрессивность.

Помимо одной из любимых тем Лейба Найдуса, темы Востока, поэт также писал и о Севере. Так, в стихотворении "Tsofn" («Север») [Naydus 1926: 325] автор использует образы викингов и белой яхты, рассекающей северные моря, образы айсбергов и норвежских фьордов, - образы, не характерные на тот момент для еврейской поэзии.

Также одной из представленных в творчестве Л. Найдуса новых тем является тема пиратства и мореходства. В стихотворении “Triremen” («Триремы») [Naydus 1926: 359-360] поэт раскрывает образ боевых кораблей, трирем, которые использовались многими древними народами Средиземноморья в период Античности. В этом стихотворении также используются образы шимпанзе, жирафов, павлинов, ярких бальзаминов, маслин, амулетов для создания особого колорита экзотики Востока. В сонете “Piratn” («Пираты») [Naydus 1926: 359-361] автор также раскрывает тему мореходства и пиратства, в котором лирический герой рассказывает о том, как он завидует пиратам и их возможности свободно рассекать моря. Лейб Найдус удивительно точно и ярко рисует картины тех мест и ситуаций, в которых он никогда не был, описывает то, что никогда не видел в реальности, что говорит нам о великом литературном таланте поэта, а также о его хорошем воображении и фантазии.

Как уже было отмечено выше, на творчество Лейба Найдуса оказали огромное влияние многие мировые поэты, в особенности представители французской и русской литератур. Это можно проследить в манере

подражания Л. Найдуса форме (размерам, рифмам) западноевропейским стандартам, в тематике стихотворений. Однако это также нашло прямое отражение в некоторых стихотворениях, посвященным тем или иным мировым поэтам-модернистам. Так, например, стихотворение «Игорю Северянину», написанное Л. Найдусом в 1914 году иллюстрирует всю восторженность юного Найдуса и его преклонение перед творчеством русского модерниста [Naydus 1924: 406].

Еще одной новой для еврейской литературы на идише темой, нашедшей отражение в творчестве Л. Найдуса, является тема греческой мифологии. Поэт обращается к образам древнегреческих богов, пишет об их жизни, наиболее важных событиях, древнегреческих праздниках. Так, в стихотворении “Dionisien” («Дионисии») [Naydus 1924: 372] перед читателем предстает образ праздника, посвященного древнегреческому богу Дионису (Вакху), богу растительности, плодоносящих сил земли, виноградарства, виноделия. Танцующие вакханки, спутницы Диониса, звуки тимпанов и кимвалов, молодые девушки, танцующие среди высоких колонн, жертвы богу Дионису на алтаре – все эти образы помогают поэту воссоздать особый колорит древнегреческого празднества.

Таким образом, в результате анализа текстов из сборников стихотворений Лейба Найдуса выяснилось, что наиболее распространенными темами в его творчестве являются темы любви, природы, восточной экзотики, пиратства и мореплавания, греческой мифологии. Учитывая тот факт, что в тот период времени традиционными темами еврейской литературы были боязнь погромов, тяжелые страдания угнетенного народа, густо сосредоточенных в рамках черты оседлости, обреченных на нищенское существование, Лейба Найдуса можно считать истинным новатором сюжетов и тематики в еврейской поэзии на идише. В стихах Найдуса ярко отражается восхищение природой, находящейся в тесной связи с человеком,

присутствует особая мелодичность, напевность – «все то, чего так не хватало еврейской литературе на идише» [Каршок 2000].

3.2 Эксперименты с формой – рифма, размер, ритм

Лейб Найдус, действительно, был одним из важнейших в истории литературы на идише поэтов, привнесших новые идеи и образы, новые сюжеты и темы в поэзию на идише. Однако наиболее известен Лейб Найдус именно как новатор формы. В ходе исследования было прочитано большое количество стихотворений поэта, однако, чтобы проиллюстрировать основные аспекты внедрения Л. Найдусом новых форм стихосложения, новых ритмов и рифм в поэзию на идише, были отобраны наиболее репрезентативные произведения с точки зрения представленных в модернистских форм и приемов.

Необходимо отметить тот факт, что одним из самых популярных форм стихосложения в творчестве Лейба Найдуса является сонет. Приведём пример одного из них:

Sonet.	Emits bet,
Ergets shtil	Emits glet
Veynt der vint,	Vi mit zayd;
Azoy kil,	Un mayn blut
Azoy lind.	Flist barut,
Kh'darf atsind,	Vi di tsayt.
Keyn shum tsil:	
Ah ikh vil	
Zayn a kind.	

Сонет.	Ребенком быть.
Где-то тихо	Кто-то просит,
Плачет ветер,	Кто-то гладит,
Так холодно,	Как шелк.
Так спокойно (букв. мягко,нежно).	И моя кровь
Теперь мне нужно	Тихо течет,
Цели не иметь,	Как время...
Ах, как хочу я	

Данное стихотворение имеет форму классического “французского” сонета, состоящего из 14 строк, которые, в свою очередь, образуют 2 четверостишия-катрена и 2 трёхстишия-терцета. Л. Найдус здесь использует следующий вид рифмовки: abab baab ccd eed, примечательно, что во всем стихотворении используется только мужская рифма. Состояние размеренности, спокойствия и даже в какой-то степени равнодушия достигается благодаря впечатлению, создаваемому скорее не от содержания стихотворения, а от особого ритма. Также важно отметить, что Л. Найдус здесь использует односложный стихотворный размер (брахиколон), где каждое слово в стопе состоит только из одного слога. В этом и заключается эксперимент: не бывает сонетов с такими короткими строками. Однако он выносит в название слово сонет, потому что хочет подчеркнуть эксперимент с формой и размером, их необычное сочетание.

Другой сонет Л. Найдусе “ In tsirkus ”(«В цирке») имеет уже другую структуру и форму, но также является новым форматом творческого самовыражения в поэзии на идише:

In tsirkus.	Es ruft mikh oft der tsirkus der fershteyter,
-------------	--

Vu af dem zamdinen arene-plats,
 Ersheytn in mits der farbiger payatsn,
 Un heyzerig un hilkhig epes shreyt
 er...

Kh'lib akrobatin's, boygig vi a kats,
 Vos flekhten zikh mit shtrik alts
 hehker-vayter,
 Di flink-tsuhitste rayterints un rayter,
 Vos shpilen mit a brengendik tsukats.

Mit patsheray un mit geshray
 tsuzamen,

Dankt der hamoyn fun oyben un fun
 unten,

Un mit a kunts-shtik entfert der artist;
 Es shmekt mit shveys fun mentshen-
 leyb gezunten,

Un s'mishen zikh parfyumen fun di
 damen

Mit reykhes fun dem frishen
 ferdenmist...[Naudus 1915:106]

В цирке.

Люблю я цирка музыку и краски,
 Он дерзостью своей приятен мне...
 Появится внезапно, как во сне,
 И загорланит клоун в белой маске

Под куполом мелькают в вышине,
 Кружат с кошачьей грацией
 гимнастки,
 И факелом играет без опаски
 Наездник на гарцующем коне.

Волна рукоплесканий, крика,
 свиста,
 И снова над ареною взмывает
 В прощальном сальто лёгкий
 акробат.

Блестят от пота мускулы артиста,
 И дамские духи перебивает
 Свежайших конских яблок аромат.
 (букв. - навоз)¹³

¹³ Перевод с идиша Исроэла Некрасова -
<http://www.stihi.ru/2011/02/23/75>

В данном сонете мы встречаем уже иную схему рифмовки: abba baab cde dce, где в катренах мы наблюдаем две равнозвучные опоясанные рифмы, а в терцетах — три рифмы, отличающиеся от рифм в катренах. Рифмы здесь весьма звучные и звонкие, оправдывающие название данной стихотворной формы (сонет в переводе с итальянского означает «звучать»). Также поэт использует здесь чередование женской и мужской рифм, что делает сонет еще благозвучней и мелодичней, изысканней.

Также следует привести пример стихотворение, в котором Лейб Найдус искусно использует межкомпонентные рифмы, одним из таких является стихотворение из цикла стихов «Мой народ» (1912-1918 гг.) “Tsu mayn folk” («К моему народу»):

Tsu mayn folk.	Shtey vi farglivert in shtrenger akshones!-
Shtey af der vakh!	
Hot zikh di sha fun nisoen getrofn,	Zey, vi a feldz!
Nem un bafrish farrostete vofn,	
Makh nit di oygn tsu, leygt zikh nit shlofn, -	Hit dayn farmeg!
Shtey af der vakh!	Zey far dayn binyen a shoymmer a trayer,
	Shits dayne oytseres fun gehenemshn fayer,
Zey, vi a feldz!..	Shits dayne perl, vos zaynen dir tayer, -
Der, vos farshteyt nor zayn umglik — der kon es!	Hit dayn farmeg!
Liaremen beyz meg der yam fun sakones,	
	Betl keyn treyst!

Groys iz der vey fun dayn groyser
neshome,

Bet nit bay keynem keyn shtral fun
nekhome,

Makh nit dayn shtolts un dayn
heylikayt – tome, -

Betl keyn trest!

Gloyb in dayn kraft!

Meg zayn dayn kerper tsevundet,
tseshtokhn,-

Gloyb in dayn osed mit pestn bitokhn,

Gloyb in dayn kinptikn groysn
nitsokhn, -

Gloyb in dayn kraft! [Naydus 1924:
210-211]

Моему народу.

Стой настороже!

В час искушений/испытаний
пораженный,

Возьми и освежи заржавевшее
оружие,

Не закрывай глаз, не ложись спать,

Стой настороже!

Будь как скала!

Тот, кто понимает, осознает свое
несчастье – может это!

Злобно шуметь может море
опасностей,

Но ты стой, как оцепенелый в
настойчивом упорстве/упрямстве, -

Будь как скала!

Храни свое достояние!

Будь для твоего здания\постройки
хранителем, надежным,

Защищай твой клад от огня ада,

Береги свою жемчужину, которая
дорога тебе,

Храни свое достояние!

Не проси утешения!

Велика боль твоей великой души,

Но не проси ни у кого, ни луча
утешения,

Не делай твою гордость и святость
нечистыми, порочными,

Не проси утешения!

Верь в свою силу!

Может быть твоё тело измотано,
исколото,

Верь в свою грядущую большую
победу!

Верь в своё будущее с
непоколебимой надеждой,

Верь в свою силу!

Как уже было отмечено, здесь автор вводит межкомпонентную рифму, которая на тот момент ещё довольно редко использовалась в поэзии на идише и стала новым элементом в ходе развития еврейской литературы на идише. Так, здесь мы можем наблюдать, как поэт рифмует во второй строфе германизм (kon) es и гебраизм sakones, а также в 5 строфе гебраизмы nitsokhn, bitokhn и германизм tseshtokhn. Автор использует опоясанную или кольцевую рифму abbba, Также нельзя не обратить внимания на то, что автор здесь использует составную рифму из двух слов: kon es / sakones, что также свидетельствует о его новых экспериментах с формой в сфере еврейской поэзии.

В целом, исследуя творчество Лейба Найдса, выяснилось, что у него наибольшей популярностью у поэта пользовался сонет, однако мы находим в его сборниках и другие новые стихотворные формы - терцины (например, стихотворение «Yidisher tertsines» 1918 года [Naydus 1924: 247]), триолеты («Triolet» [Naydus 1924: 245]), а также мандригалы и газели. Он использовал различные виды ритмов и рифм, которые помогали создать ему нужное настроение, произвести нужное впечатление на читателя, а также показать все своё мастерство в этой разнообразии форм.

Таким образом, Лейб Найдус привнес в поэзию на идише множество новых сложных форм стихосложения, таких как сонет, триолет, терцина, октава, мандригал и другие. Поэт также экспериментировал с рифмой, которую во многом заимствовал из западноевропейской литературы. Он, действительно, ставил целью своего творчества выведение еврейской поэзии на новый уровень, хотел обогатить её во всех её аспектах, в первую очередь,

с помощью модернизации формы стиха – с помощью внедрения новых рифм и ритмов.

3.3 Переводы русской поэзии на идиш

Как уже было отмечено ранее, Л. Найдус был не только поэтом, творцом новой поэзии, но и талантливым переводчиком, переводил шедевры мировой литературы на идиш. Очевидным является то, что те авторы, переводами которых Л. Найдус занимался, оказывали влияние на поэта, на его поэтический вкус, тем самым обучая молодого Л. Найдуса поэтическому стилю.

Хороший литературный перевод, как правило, демонстрирует не только хорошее владение языком и способность к поэтическому изложению материала, но и степень погружения переводчика в культуру, в которой жил и творил автор оригинала. Необходимо знать не только специфические термины языка, но и реалии жизни той культуры, особенности той традиции, в которой рождалась поэзия. Таким образом, литературный перевод призван рождаться во взаимодействии двух культурных контекстов – оригинала и того, на языке которого создается перевод.

О взаимодействии культур и о переводах интересную мысль высказывал В. А. Дымщиц: «Кроме умения воссоздать на родном языке художественную форму иноязычного произведения, входит еще одна специфическая добродетель — эрудированность в культуре того языка, с которого выполнен перевод» [Дымщиц 2010]. Лейб Найдус был действительно эрудирован в сферах как французской, так и русской культур, он стремился не только формально обогатить еврейскую литературу новыми формами и образами, но и внести элементы других культур, расширить границы еврейского традиционализма.

Поскольку модернистские тенденции могут проявляться не только в собственных произведениях поэта, но и в его переводах, в данном

исследовании были также рассмотрены переводы русской поэзии, выполненные Лейбом Найдусом.

В данной работе для анализа были выбраны переводы поэзии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Стоит отметить, что Лейб Найдус является одним из немногих, а, возможно, даже единственным, кто настолько глубоко и профессионально занимался переводами этих величайших русских поэтов на идиш.

Прежде чем переходить непосредственно к анализу, стоит отметить несколько особенностей поэтического перевода. Прежде всего, перед переводчиком встают сразу несколько проблем различных уровней языка: фонетического, лексического, синтаксического. Ведь для поэта каждая лексическая единица имеет большое значение, является своеобразным приёмом художественного выражения. Язык определённой эпохи представляет собой ряд исторических и социальных пластов культуры, имеющих разную ценность и обладающих разной художественной силой. Архаизмы, жаргонизмы, просторечия или заимствования могут быть использованы поэтом как художественный приём. Синтаксические конструкции также используются в поэтических произведениях с художественной целью. Часто нарушается привычный порядок слов ради создания особого ритма и музыки стихотворения [Науменко 2013]. Задача же переводчика поэтических текстов состоит в сохранении всех этих особенностей и в наиболее точной передаче их на другой язык. Характерной чертой поэтического перевода является его относительно свободный характер. Акцент в поэтических переводах делается на передаче смысла, а не на сохранении точности рифмы и полном лексическом соответствии.

Лейб Найдус начал переводить на идиш произведения А.С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова лишь в последние годы своей жизни, в период наибольшей творческой активности. Так, в 1917 г. в Вильнюсе вышел его первый перевод «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А.С.

Пушкина. Позднее, уже после смерти поэта, Хаим Бжоза решил закончить публикацию «Собрания сочинений» Л. Найдуса (начатую в 1923 году издательством братьев Левин-Эпштейн, и далее продолженную издательством Ш. Ячковски в Варшаве, 1924 г.), которое было запланировано в шести томах. Среди них также была книга «Rusishe dikhtung» («Русская поэзия»), изданная в Варшаве в 1926 году. Именно на основе произведений этой книги в данной работе производится анализ переводов русской поэзии на идиш Лейба Найдуса.

В первую очередь необходимо отметить важнейшие особенности, характерные для большинства переводов Лейба Найдуса в этой книге: поэт очень искусно передает ритм стихотворений, с невероятной точностью сохраняет внешнюю форму и объем произведений, вплоть до визуального сходства оригинала и перевода по количеству слов в строке. Также необходимо отметить, что Л. Найдус использует весьма разнообразную лексику, включающую довольно много как гебраизмов, так и интернациональных, заимствованных слов.

Лейб Найдус в данной книге придерживается больше подчиненного способа перевода поэзии, нежели независимого.¹⁴ Переводчики, придерживающиеся подчинённого способа перевода, главной целью считают точную передачу формы произведения. В таких переводах необходимым является не только сохранение размера, ритма, метрики стихотворения, но также порядок и тип рифм. «По убеждению такого рода переводчиков, только так в переводе можно сохранить индивидуальный стиль автора» [Науменко 2013].

¹⁴ Независимый перевод - это вид поэтического перевода, суть которого в том, что переводчик передает дух и смысл подлинника на язык перевода, не сохраняя при этом форму. Главная задача – не просто передать смысл, но и воспроизвести лирику и красоту поэтического произведения.

Для того чтобы понять и раскрыть эти особенности переводов Лейба Найдуса в данной работе произведен анализ нескольких наиболее известных и наиболее стилистически ярких стихотворений поэтов.

Так, в переводе стихотворения А.С. Пушкина «Зимний вечер» Лейб Найдус искусно сохраняет и передает ритм, сохраняя все акценты и ударения, как и у автора стихотворения, что опять же говорит об особом внимании поэта к форме. Однако Л. Найдус также сохраняет основной смысл, содержание. Так, например, он весьма точно передает средства художественной выразительности. Например, «Ot-o brumt er vi a haya, ot-o veynt er vi a kind!» — «То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя». В целом, перевод стихотворения «Зимний вечер» создает такое же впечатление, как и от оригинала, передавая настроение, мысли и чувства автора. Для примера приводим весьма удачный перевод наиболее известной строфы стихотворения:

«Выпьем, добрая подружка	«Lomir oystriken, mayn freydin,
Бедной юности моей,	Yungt- haverte du mayn!
Выпьем с горя; где же кружка?	Trinkt fun tsoyres! Gib dos krigl!
Сердцу будет веселей». —	S'vet dem hartsn freylekh zayn!»

В стихотворении А.С. Пушкина «Туча» Л. Найдус максимально точно сохраняет рифму (aabb) и ритм. Это можно проследить, например, во второй строфе стихотворения:

«Ты небо недавно кругом	И ты издавала таинственный
облежала,	гром
И молния грозно тебя	И алчную землю поила
обвивала;	дождем».

«Nisht lang host dem himl dem gantsn gefangen	Un du host a duner aroysgelozt vild,
--	---

Un s'hobn dikh blitsn geviklt vi shlangen,	Di dursht fun der erd mitn regn geshtilt!»
---	---

Из переводов стихотворений М.Ю. Лермонтова для анализа были выбраны следующие его произведения: «И скучно и грустно» и «Тучи».

В переводе стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» Л. Найдус не только искусно передал ритм и форму, но и лексически максимально точно сохранил смысл и содержание этого произведения. Это можно проследить, например, в первой строфе:

«И скучно и грустно! — и некому руку подать	«S'iz umetik, troyrik, nishto vemen gebn di hant
В минуту душевной невзгоды...	In shoen fun lidn fun greste...
Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?	Farlangen?...Vos nutst ober eybik farlangen umzist!..
А годы проходят - все лучшие годы!»	Un yorn fargeyen — di yorn di beste...»

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Тучи» Л. Найдус переводит, также делая большой акцент на форме — ритме, рифме, размере. Так, строки лермонтовских «Тучек» связаны дактилической рифмой. Лейб Найдус искусно сохраняет такого рода рифму в своем переводе:

«Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники	«Yogt es tsum dorem, vi mikh, dem fartribenes,
С милого севера в сторону южную»	Yogt es fun tsofn, fun gengntn tayere...»

Таким образом, в переводах стихотворений А.С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова Лейб Найдус уделяет большее внимание форме: он искусно и мастерски сохраняет ритм, размер стихотворений, практически во всех стихотворениях сохраняет авторскую модель рифмовки. Это еще раз подтверждает тот факт, что Лейб Найдус, действительно, является мастером формы, а также может свидетельствовать о том, откуда он черпал те или иные виды рифм, размеров, стихотворных форм. Переводы Лейба Найдуса являются важнейшей частью его творческого наследия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая выпускная квалификационная работа раскрывает проблему модернизации литературы на идише на примере творчества Лейба Найдуса. Стоит отметить, что данная тематика является ценностью как для исследования истории еврейской культуры в целом, так и для изучения еврейской литературы и еврейского модернизма, в частности.

Творчество Лейба Найдуса занимает важное место в ходе истории развития еврейской литературы на идише. Находившись под влиянием поэтов мирового уровня западноевропейской и русской литератур, он ставил целью своего творчества модернизировать еврейскую поэзию на идише, отказавшись от прежних традиций и привнеся в эту сферу новые аспекты формы и содержания.

В ходе данного исследования был рассмотрен феномен обновления, модернизации поэтического языка идиш в контексте развития истории еврейской литературы на идише. Выявлено, что с начала XX века еврейская литература на идише становится элитарной, в творчестве поэтов возникают тенденции к обновлению литературы, происходит поиск нового языка, поиск нового героя. Возникают новые рифмы и размеры, новые темы и сюжеты, поэты экспериментируют как с формой, так и с содержанием. Таким образом, еврейский модернизм ставит своей целью разрыв с прежней традицией и создание нового литературного языка и новой литературы на идише.

В ходе работы была тщательно изучена и кратко изложена история жизни и творчества поэта на основе ряда источников на идише и на английском языках, был сделан акцент на событиях в жизни Л. Найдуса, нашедших отражение в его творчестве. Также были изучены и рассмотрены критические оценки творчества поэта со стороны литераторов, литературоведов, критиков и поэтов, как тех, кто жил в одно время с поэтом,

так и тех, чья деятельность приходится на более поздние периоды. Источниками критики являлись, в основном, книги и статьи на языке идиш.

Также был произведен анализ выборочных произведений Лейба Найдуса, в частности тех, которые являются наиболее репрезентативными с точки зрения представленных в них и присущих им модернистских аспектов и приемов. Для произведения литературоведческого и культурологического анализа были изучен ряд источников по теории стихосложения и основам стилистического анализа поэтического произведения. В ходе работы был также произведен анализ поэтических переводов русской поэзии (в частности, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова), выполненных Лейбом Найдусом. Были рассмотрены аспекты влияния поэтов-модернистов мировой литературы на творчество Лейба Найдуса, а также затронута проблема формирования поэзии в мультикультурном контексте.

Подводя итог, необходимо отметить, что в ходе данного исследования выяснилось, что тенденции к модернизации литературы на идише в творчестве Л. Найдуса проявились, прежде всего, в том, что он обогатил поэзию на идише многообразными сложными формами стихосложения, новыми размерами и рифмами. Придавая большее значение модернизации формы, Л. Найдус также привнес новые веяния и в содержание поэзии: тяготел к тенденции неоромантизма и эротизма, обогатил поэзию новыми экзотическими сюжетами и темами, большое внимание уделял отражению внутреннего мира героя, делал акцент на индивидуализме. Л. Найдус также обогатил лексическую сферу литературы различными иностранными словами, иностранными именами, собственными неологизмами и удачно используемыми гебраизмами. Важнейшим достижением Л. Найдуса является то, что он соединил воедино еврейские, западноевропейские и интернациональные литературные элементы и приемы, тем самым создав новый образ еврейской поэзии на идише. Это, безусловно, имеет большое значения для всей еврейской культуры в целом.

Таким образом, Л. Найдус сделал попытку вывести поэзию на идише на мировой уровень. Он, действительно, является величайшим новатором форм, раздвинувшим рамки еврейского стихосложения, культивируя в еврейской поэзии различные формы западноевропейской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуревич П.С.* Эстетика: учебное пособие // М.: КНОРУС, 2011 — 456 с.
2. *Дымицкий В. А.* На смерть поэта// Народ книги в мире книг, №84, Спб., 2010.
3. *Дымицкий В. А.* Перевод с еврейского и обратно // Народ книги в мире книг, №87, Спб., 2010.
4. *Каршок И.* Лейб Найдус - сын гродненской земли//Биржа №105, Гродно, 2000.
5. Найдус Лейб // Краткая еврейская энциклопедия, том 2, кол. 644–664, том 5, кол. 589, Ассоциация по изучению еврейских общин, Иерусалим, 2005.
6. *Науменко О.В.* Особенности поэтического перевода // «Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода», Бюро переводов «Альба», Н. Новгород, 2013. [Электронный ресурс]
 Режим доступа: <http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/articles/2013/naumenko.html> (дата обращения: 30.11.2015).
7. *Тамарченко Н.Д.* Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. // Под ред. Н. Д. Тамарченко. — Т. 1: Н.Д.Тамарченко, В.И.Тюпа, С.Н.Бройтман. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 512 с.
8. *Турнянски Х.* Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы// Open University of Israel, 1995. — 308 с.
9. *Турчин В. С.* По лабиринтам авангарда.// М.: Изд-во МГУ, 1993.— 248 с.
10. *Тюпа В.И.* Художественный дискурс (Введение в теорию литературы)// Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2002. — 80 с.
11. *Bridger D., Wolk S.* The New Jewish Encyclopedia// Behrman House, New York, 1976 — pp. 541.
12. *Frieden K.* Classic Yiddish Fiction: Abramovitsh, Sholem Aleichem, and Peretz// SUNY Press, 2012 — pp.364.

13. *Glatstein J.* In tokh genumen: Eseyen 1949–1959 // Buenos Aires, 1960 - vol. 1 pp. 147–151.
14. *Green A.* Naḥman of Bratslav// The online YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Nahman_of_Bratslav (дата обращения: 20.04.2016).
15. *Jameson F.* Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism// Durham, NC: Duke University Press, 1991 — pp.438.
16. *Kronfeld Ch.* On the Margins of Modernism: Decentering Literary Dynamics// Berkeley : University of California Press, 1996 — 275 p.
17. *Levinson J.* Modernism from Below: Moyshe-Leyb Halpern and the Situation of Yiddish Poetry// Jewish Social Studies, New Series, Vol. 10, No. 3, Indiana University Press: 2004 —pp. 143-160.
18. *Krutikov M.* Yiddish Literature after 1800// The online YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Yiddish_Literature/Yiddish_Literature_after_1800 (дата обращения: 17.04.2016).
19. *Krutikov M.* Yiddish Fiction and the Crisis of Modernity, 1905–1914// Stanford University Press, California, 2001 — 248 p.
20. *Miron D.* Abramovitsh Sholem Yankev// The online YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Abramovitsh_Sholem_Yankev (дата обращения: 5.03.2016).
21. *Miron D.* Sholem Aleichem // The online YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Sholem_Aleichem (дата обращения: 11.03.2016).

22. *Naydus L.* Litvishe arabeskn//Yachkovski, Warsaw, 1924 — pp. 368.
23. *Naydus L.* Lirik// Warsaw, 1926 — pp. 429.
24. *Naydus L.* Ruishe dikhtungen // Warsaw, 1926 — pp.375.
25. *Niger S.* “Lirishe siluetn”// Di tsukunft №25, New York, 1920 — pp. 423–428.
26. *Novershtern A.* *Naydus Leyb* // The online YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. Translated from Yiddish by Yankl Salant. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Naydus_Leyb#suggestedreading/
(дата обращения: 30.04.2016).
27. *Rejzen Z.* Leksikon fun der yidisher literatur, prese un filologye , vol. 3, col.552-561 // Vilnius, 1927.
28. *Schachter A.* Diasporic Modernisms – Hebrew and Yiddish Literature in the Twentieth Century// Oxford University Press, 2011 — pp. 208.
29. *Turniansky C.* Yiddish Literature before 1800// The online YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Yiddish_Literature/Yiddish_Literature_before_1800 (дата обращения: 17.03.2016).
30. *Walfish B.D.* Yiddish Panorama: A Thousand Years of Yiddish Language, Literatrue and Culture // University of Toronto, Toronto: 1995— pp. 54.
31. *Weinreich M.* History of the Yiddish Language// The University of Chicago Press, 1980 — pp. 988.
32. *Whitman R.* An Anthology of Modern Yiddish Poetry: bilingual third edition // Wayne, 1995 — pp. 217.
33. *Williamson M.T.* Modernist Yiddish Aesthetics, I. L. Peretz’s Middlebrow Yiddish Poetics and the Place of Yehoash in Modernist and Middlebrow Literary History// The Space Between: Literature and Culture, 1914-1945, Vol. IX:1, Indiana University Press, 2013 — pp. 37-59.
34. *Zacusky A.J.* *Leyb Naydus* // Buenos Aires, 1951 — pp.18.

35. *Zak A.* "Leyb Naydus: Biografishe notitsn," in *Litvishe arabeskn*, by Leyb Naydus// Warsaw, 1924 — pp.5-19.
36. *Zinberg I.* *A History of Jewish Literature: Old Yiddish literature from its origins to the Haskalah period.* Trans. and ed. Bernard Martin. Vol. 7 // KTAV Publishing House, Cincinnati and New York, 1975 — pp.403.